

УДК 81'23

Филологические науки

Статья посвящена исследованию языковой личности музыканта. Анализируется терминологический и фразеологический арсенал средств манифестации личности данного типа. Представлена семиотическая схема выявления идиолектных признаков профессиональной арготирующей языковой личности в русле лингвокогнитивного подхода с учётом моделирующей структуры, идиолекта, волативности и индивидуации.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; арготический термин и фразеология; языковая и музыкальная картины мира; семиотика текста и коммуникации.

Аркадий Петрович Седых, д. филол. н., доцент

Мария Сергеевна Квитко

Кафедра французского языка

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

sedykh@bsu.edu.ru; crazyriano@yandex.ru

АРГОТИРУЮЩАЯ ЛИЧНОСТЬ ФРАНЦУЗСКОГО МУЗЫКАНТА[©]

Отражение в языке характерологических проявлений национальной личности представляет собой одну из наиболее сложных и насущных проблем современной лингвистики. Являясь частью национальной культуры, языковая личность опосредуется в национальном языке и национальном типе коммуникации.

Термин «языковая личность» (ЯЛ) в наиболее полной мере представляет национальную личность и вмещает в себя психологический, социальный, этический и другие компоненты, отраженные в национальном языке, дискурсе и коммуникативном поведении представителей лингвокультурной общности.

ЯЛ, в частности ЯЛ музыканта, может быть рассмотрена не только в рамках традиционной уровневой парадигмы [4; 5; 8], но и с точки зрения её манифестаций через профессиональное арго, отражающее не только реалии ремесла, которым владеет индивид, но и его мировидение, философскую концепцию жизни.

Арготическая терминология - динамически развивающаяся система, отражающая неоднородность и многомерность сознания творческой личности музыканта. Терминологическая картина мира является неотъемлемой частью языковой картины мира любого лингвокультурного сообщества. Арготизмы и устойчивые сочетания служат неисчерпаемым материалом для выявления не только общеязыковых, но и этнокультурных доминант коммуникативного поведения, стереотипов восприятия, характерологических черт национального характера.

Арготика - сложный многоплановый языковой феномен. Для его изучения традиционно привлекаются данные из различных областей человеческого знания. Современные подходы к исследованию арготизмов отличаются разнообразием и обилием приёмов наблюдения и эксперимента.

Музыканта арготирующего с полным основанием можно отнести к своеобразному типу языковой личности и речевой культуры. Арго - это особое мировидение, которым могут отличаться (или позиционировать себя) представители различных возрастных групп и социальных статусов. При этом язык арготирующего музыканта, скорее всего, базируется на мифологическом видении мира, что может проявляться в дуалистичности когнитивных и перцептивных механизмов индивида.

Арго, как правило, используется музыкантами наряду с их родным языком, при этом арго использует грамматику и фонетику национального языка, имея в своем распоряжении лишь особенный словарь. Арго всегда остается вторым «языком» говорящего, а, следовательно, арготирующий человек воспринимает новую («вторичную») картину, в которой явления окружающей жизни получают новые, «свои» наименования, сосуществующие со стандартными наименованиями основного языка [1, с. 15-16]. Внутри данного языка, - пишет А. Мейе, - определяемого единством произношения и, в особенности, единством грамматических форм, в действительности существует столько особых словарей, сколько имеется социальных групп, обладающих автономией в пределах общества, говорящего на этом языке [12, р. 251].

В нашей статье мы употребляем термин «арго» в самом широком номинативном аспекте: языковой субстандарт, включающий в себя просторечие, жаргон, сленг. Мы считаем, что арго обладает достаточно мощным образным потенциалом, что позволяет рассматривать субстандартную лингвокультуру в поэтическом ключе, в частности субстандартную культуру французских музыкантов.

Как пишет В. П. Коровушкин: «Языковой субстандарт, или просторечие, - это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная автономная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта, состоящая из системно организованных частных экзистенциальных и неэкзистенциальных языковых форм и их элементов, отвечающих социолингвистической норме второго уровня и создающих языковую ситуацию диглоссии различной степени в соответствующих сферах социально-речевого общения в зависимости от социолингвистических параметров коммуникативного акта» [6].

Здесь важны, по крайней мере, три момента:

1. *Стиль*. Субстандартизмы - это стилистически низкий пласт лексики, что, как правило, проявляется в неблагозвучной звуковой форме, в примитивной и вульгарной фразеологии и метафорике. Однако следует учитывать тот факт, что нестандартная лексика часто бывает очень креативна, а, например, французские арготизмы нередко обладают яркими живописными ассоциациями и косвенными способами номинации даже для обозначения традиционно «низких» для русофонов тем: секс, воровство, убийство и пр.: *faire l'amour* (заниматься любовью) = *aller aux fraises* ('ходить по клубнику'); *remuer le gigot* ('переворачивать бараний окорок'); *voir la feuille à l'envers* ('посмотреть на листик с обратной стороны'); *mettre les doigts du pied en bouquet de violettes* ('растопырить пальцы как букет фиалок').

2. *Аксиология*. Некодифицированная метафора, помимо своей высокой экспрессивности, отличается специфической системой ценностей. Аксиологический ряд ее носителей выстраивается примерно следующим образом: мой мир - истина, а весь остальной заслуживает презрения, насмешки или, в лучшем случае, снисходительной иронии. Чаще всего это касается уничижительных прозвищ и пейоративных номинантов некоторых профессий: (русский) *чмо*, *чебурек*, *баллон*, *мусор*, *бамбук*, *лох*; (французский) *pas fini* (недоделанный), *Gogo* (простофиля), *lent de la comprenette* (тугодум), *blaireau* (лох), *poulaga* (мент), *escargot de trottoir* (тротуарная улитка - о полицейском), *guignol* (гиньоль - о полицейском), *vache à roulettes* (корова на колёсиках - полицейский на велосипеде или на мопеде).

3. *Национальная идентичность*. Субстандартный языковой материал в большей степени, нежели стилистически нейтральный, обладает ярко выраженными национальными признаками. Так «маргинальная лексика» содержит трансформированные, часто ироничные наименования этнокультурных реалий, характерных для каждой нации [9]:

Les fausses notes se ramassent à la pelle (*фальшивые ноты собираются лопатой*) - говорится, когда возобновляется исполнение части музыкального произведения после разбора трудной партитуры.

Le beau vélo de Ravel / Le beau blaireau de Draveil / Le beau blaireau de javel (*красивый велосипед Равеля / красивый барсук (лох) Дравейля / красивый барсук жавелевой воды*) - ироничное обозначение произведения французского композитора Равеля «Болеро», основанное на фонетической схожести составляющих его элементов.

Les routiers (*дальнобойщики*) - секция духовых инструментов, состоящая, как правило, из мужчин крепкого телосложения.

Fromage et dessert (*сыр и десерт*) - шуточный символ роскоши и комфорта. Из словаря французских рестораторов в противовес выражению *Fromage ou dessert* (*сыр или десерт*), обозначающему более скудное меню.

Se porter comme le Pont-Neuf (*чувствовать себя как Новый Мост*) - чувствовать себя великолепно, превосходно. Строительство Нового Моста через Сену длилось почти 30 лет (1578-1607). Жители Парижа имели возможность убедиться в качестве строительства: старые мосты много раз сносились частыми для столицы Франции наводнениями, Новый Мост до сих пор «живет и здравствует» (в русском языке функциональным эквивалентом может служить выражение «крепкий как дуб»).

La queue du renard (*лисий хвост*) - рвота; изрыгание. Выражение основано на чисто французском восприятии качеств животного, в частности, его живучести (*cp.* в русском коллективном сознании лиса ассоциируется скорее с хитростью).

Épaules en (bouteille de) Saint-Galmier (*плечи в виде бутылки Сен-Гальмье*) - отвислые плечи. По форме бутылки минеральной воды из французского источника Сен-Гальмье (в настоящее время вода продается под коммерческим названием Бадуа) [11].

Это далеко не полный список «национальных маркеров», слов и выражений, имеющих дополнительную этнокультурно окрашенную семантику и употребляемых только во франкоязычной среде музыкантов. Все они не имеют буквальных соответствий в иностранных языках и для их передачи необходимо использовать дефиниционный или описательный перевод. В данном типе речений культурный компонент является преобладающим и может служить адекватным материалом для выявления признаков музыкальной арготирующей личности.

Построение модели арготирующей ЯЛ французского музыканта с необходимостью опирается на семиотический подход к исследованию фактического материала, так как язык сам является семиотической системой в культуре. Семиотический подход к трактовке ЯЛ рассматриваемого типа соотносится с всеобъемлющей динамической моделью мифологизации бытия, охватывающей природные объекты, артефакты, основные витальные модусы. В данной системе знаний личность рассматривается как носитель специфической концептуальной картины мира, отражаемой не только в лексике, грамматике, морфологии используемого языка, но и в особенностях коммуникативного поведения представителей музыкальной профессии.

Предлагается рассматривать арготирующую личность музыканта как разновидность «лингвокреативной личности» [8]. Данный тип личности обладает следующими параметрами семиотической реализации:

1. *Моделирующая структура* - с помощью воссоздания «речи» субъекта, дискретно организует новые представления об объекте когниции (суггестивная функция, личностная активность эго).

2. *Идиолект* - дифференцированность семантики, произвольность в выборе языковых средств, подвижность языкового знака.

3. *Волитивность* - субъективная контролируемость языкового и коммуникативного действия.

4. *Индивидуация* - ориентация языка и коммуникации на интеграционное выделение индивида из этнокультуры.

Первый параметр связан с тем, что арготическая личность может использовать в своей речи намёки, недомолвки, реминисценции, имитацию различных арготирующих техник, иногда виртуозные ассоциации, «мифологизированные» образы. Мифологичность рассматривается здесь как создание параллельного дискурсного пространства. Мифологический фон часто необходим арготирующему индивиду как декорация для языковой игры, основанной на фарсе.

Второй параметр обусловлен подвижностью семантики языкового знака в процессе функционирования арготического дискурса. Речь идёт о неконвенциональной трактовке языкового знака, когда номинант гипостазирует объект номинации. Некодифицированная лексика может иметь ядерное положение в языковом сознании арготирующего, когда слова выступают в качестве реакций на значительное число стимулов, имеют максимальное количество ассоциативных связей, актуализируются в разных ассоциативных полях, заменяют близкие по семантике кодифицированные языковые знаки или овнешняют образы сознания [3].

Третий параметр направляется волитивными инстанциями арготирующего индивида. Арготирующий человек - это творящий человек, волевые импульсы которого активно воздействуют на коммуниканта.

Четвёртый аспект связан с относительной дезинтеграцией арготирующей личности из пространства «родной» лингвокультуры. Арготическое видение - это всегда рождение нового сознания, это всегда путь «против течения». Этот путь ведёт к устойчивости психической структуры и понимается следующим образом: мучительный, болезненно переживаемый процесс осознания страха частичности, дисбаланса в структуре личности, поиска пути к новому состоянию с его неопределённостью и спонтанностью; далее - воссоздание гармонии и структурной однородности внутренней организации, которое сопровождается ощущением покоя и благодати, устойчивости и стабильности [2].

С точки зрения психологических поведенческих установок арготирующая ЯЛ французского музыканта позиционируется в «пограничной зоне» социума. Внутреннее «я» музыканта арготирующего нестабильно и находится в постоянном поиске внешних компенсационных опор, ключевыми из которых выступают языковые механизмы категоризации. Коммуникант, использующий данный регистр языка, остается, тем не менее, в рамках общенациональной языковой культуры и одновременно валоризирует свой внутренний мир. В данном случае арго рассматривается как продукт «духовного» индивидуального творчества представителей отдельных социальных и профессиональных группировок, служащий выражением определенного «духа» или «ступени сознания» людей, принадлежащих к той или иной общественной среде [7].

Так, французский музыкант, говоря следующую фразу: «*J'ai envie de changer de registre*» (букв. 'хотелось бы сменить регистр = тембр'), позиционируется в качестве представителя шоу-бизнеса, так как употребляет жаргонную лексику из данной сферы человеческой деятельности. Герметический смысл приведённой фразы: «Не знаю, что и придумать, чтобы поправить свои дела».

Причины могут быть психологического, социокультурного плана. В любом случае, «человек арготирующий» становится проецируемой реальностью для *homo loquens*. Арготические словообразовательные средства служат, прежде всего, созданию экспрессивного эффекта, стилистической маркировки социолектных средств. Они поддерживают эмотивную оценку денотата, сохраняют её в семантике деривата. С точки зрения психологической теории в этом случае в качестве эмоциогенных факторов рассматриваются сознательные оценки, которые человек дает ситуации [10, с. 21].

Итак, любой тип речевой культуры отражает определённый тип мировоззрения, философии жизни. Арготический дискурс французского музыканта предстает, с одной стороны, как речевая деятельность, с другой стороны, как результат этой деятельности, находящийся в постоянном творческом развитии взаимосвязанных семиотических уровней производства новых смыслов. Поскольку коммуникативный акт представляет собой вид языковой игры, правила которой подчиняются стереотипам мировидения, то интенциональные линии коммуникации функционируют в зависимости от приоритетов когнитивной деятельности сознания и отражаются в языковых структурах. Арготирующие способы языковой концептуализации, как и любые другие, соотносятся с определённым типом категоризации действительности и могут быть исследованы в русле соответствующих когнитивно-коммуникативных методик.

Как известно, арготическое значение отличается от лексического значения спецификой логической категоризации. Участники арготической коммуникации воспринимают арготические единицы как многомерное явление, семантика которых не сводится к простой сумме значений её компонентов. Современная исследовательская парадигма, объектом которой выступают арготические словосочетания, отличается плюридисциплинарностью подходов, среди которых выделяются дискурсно-когнитивный и фразеографический. Музыкальная арготика только начинает изучаться и имеет хорошие перспективы для исследования специфики субстандартного мышления профессиональной (музыкальной) языковой личности.

Список литературы

1. Абдрахманова О. Р. Языковая картина мира во фразеологизмах арготирующих французов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: тезисы международной научно-практической конференции (7-9 декабря 2001 года). Челябинск, 2001. С. 15-16.
2. Базылев В. Н. Синдром эпистемической фрустрации // Несытые слова. М., 2000.
3. Гуц Е. Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект: автореф. дисс. ... д. филол. наук. Барнаул, 2005.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
6. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии: автореф. дисс. ... д. филол. наук. Пятигорск, 2005.
7. Маковский М. М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология. М.: КомКнига, 2005. 170 с.
8. Седых А. П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). М.: Компания «Спутник+», 2004. 269 с.
9. Седых А. П., Михайлов А. А. Человек арготирующий как языковая личность // Научные ведомости БелГУ. 2010. № 5. С. 149-158.
10. Цыбулевская А. В. Эмотивный арготический лексикон: автореф. дисс. ... к. филол. наук. Ставрополь, 2005. 29 с.
11. Bernet Ch., Rézeau P. Dictionnaire du français parlé. Le monde des expressions familières. P.: Éditions du Seuil, 1991. 382 p.
12. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1926.

ARGOT PERSONALITY OF FRENCH MUSICIAN

Arkadii Petrovich Sedykh, Doctor in Philology, Associate Professor

Mariya Sergeevna Kvitko

Department of French Language

Belgorod State National Research University

sedykh@bsu.edu.ru; crazyplano@yandex.ru

The authors study the language personality of a musician, analyze the terminological and phraseological arsenal of the means for the manifestation of this type of personality, and present the semiotic scheme for the revelation of professional argot language personality's idiolectal features within the framework of linguo-cognitive approach taking into account modeling structure, idiolect, volitivity and individuation.

Key words and phrases: language personality; argot term and phraseology; language and musical worldviews; semiotics of text and communication.

УДК 81

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «эмоциональный концепт» и его лексико-семантическое поле в татарской языковой картине мира. Основное внимание в работе автор акцентирует на анализе эмоциональных концептов, что дает возможность выявить универсальное и лингвоспецифичное в способах их концептуализации и функционирования, позволит глубже изучить систему мышления носителей татарского и, шире, тюркских языков.

Ключевые слова и фразы: эмоциональный концепт; лексико-семантическое поле; концепт; лингвокультурологический анализ.

Фируза Рамзеловна Сибгаева, к. филол. н.

Кафедра общей лингвистики и лингвокультурологии

Казанский федеральный университет

FiruzRS@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ[©]

Для языкового сознания современных носителей языка часто слова лишены внутренней формы, поскольку она забылась, стерлась. Для лингвистического сознания внутренняя форма лексических единиц имеет исключительно важное значение, так как анализ этимологии вскрывает первичную мотивированность слова. Это способствует обнаружению в языке важных аспектов этнического мировоззрения. Ассоциации и смысловые оттенки, создаваемые внутренней формой, обладают большим этнокультурным своеобразием, чем денотативный компонент лексических значений; «соприкасаясь с лексическим значением, внутренняя форма создает своеобразную стереоскопичность словесного представления мира» [2, с. 42].

При попытке выяснения того, как в татарской языковой картине мира выражаются отдельные фрагменты представлений о мире татар, мы сталкиваемся с осколками языческих верований и влиянием той картины мира и системы ценностей, которые обусловлены господством тысячелетней исламской традиции. Ислам как одна из мировых религий последовательно регламентирует повседневную жизнь индивида, и это обстоятельство неминуемо сказывается на укладе жизни и быта всех народов, исповедующих эту религию, что имеет важные следствия и для лингвокультурологии.